

В САМОЙ

ДЭЙЗИ ДЖОНСОН

ГЛУБИНЕ

Москва
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Daisy Johnson
EVERYTHING UNDER

Copyright: © Daisy Johnson, 2018

This edition is published by arrangement with Aitken
Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Д. Шепелева*
Художественное оформление *П. Петрова*

Джонсон, Дэйзи.
Д42 В самой глубине / Дэйзи Джонсон ; [пер. с англ.
Д. Шепелева]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101249-6

Для Гретель слова всегда были настолько важны, что в детстве она вместе с матерью даже изобрела язык, который стал их собственным. Теперь Гретель работает лексикографом, обновляя словарные статьи.

Она не видела мать с 16 лет, когда они жили в лодке на оксфордском канале. Воспоминания о прошлом, давно стершиеся, после одного телефонного звонка внезапно возвращаются: последняя зима на воде, загадочный сбежавший мальчик, странное неуловимое существо, живущее на реке.

«В самой глубине» — вызывающий дебютный роман с сюрреалистической, жуткой атмосферой. Он не оставит вас равнодушным.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-101249-6

© Д. Шепелев, перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

*Моим бабушкам,
Кристине и Сидар.*

Один

ЗА ЧЕРНЫМ ПНЕМ

Родные места возвращаются к нам. Они приходят в виде мигрени, боли в животе, бессонницы. Из-за них мы иногда падаем во сне и просыпаемся, шаря в поисках выключателя прикроватной лампы, чувствуя, что все достигнутое нами пошло прахом. Мы становимся чужаками в родных местах. Они уже не признают нас, но мы всегда признаем их. Они наш остов; мы пронизаны ими. Если бы нас вывернули наизнанку, на нашей коже открылась бы дорожная карта. Чтобы мы могли вернуться. Только у меня под кожей обозначены не каналы, не рельсы и не лодка, а всегда одна лишь *ты*.

Коттедж

Мне трудно решить, даже теперь, с чего начать. Твоя память не линейна, а подобна массе перепутанных кругов, то уводящих вглубь, то отступающих. Временами я близка к насилию. Если бы ты была той женщиной, кото-

рую я знала шестнадцать лет назад, думаю, я бы так и сделала — выбила из тебя всю правду. Но теперь это невозможно. Ты слишком стара, чтобы можно было выбить из тебя хоть что-то. Воспоминания сверкают, как разбитые бокалы в темноте, — и вот их уже нет.

Твое слабоумие прогрессирует. Ты ищешь туфли, в которые обута. Ты смотришь на меня по пять-шесть раз на дню и спрашиваешь, кто я такая, или говоришь мне убираться: вон, вон. Ты хочешь знать, как оказалась здесь, в моем доме. Я говорю тебе снова и снова. Ты забываешь свое имя или где ванная. Чистое белье оказывается в кухонном буфете, вместе со столовыми приборами. Когда я открываю холодильник, там лежит мой ноутбук или телефон, или пульт от телевизора. Ты на крик зовешь меня среди ночи, а когда я прибегаю, ты спрашиваешь, зачем я пришла. Ты говоришь, что я не Гретель. *Моя дочь, Гретель, была прекрасной дикаркой. Ты не она.*

Иногда по утрам ты точно знаешь, кто мы такие. Ты выкладываешь на столешницу столько кухонной утвари, сколько уместится, и готовишь мировые завтраки — по четыре чесночинки во все подряд и как можно больше сыра. Ты раздаешь мне указания на моей же кухне, говоришь, что надо прибраться или вымыть окна, бога ради. В такие дни твой распад не так очевиден. Ты забываешь противень

в духовке, и оладьи подгорают, вода выливается из раковины на пол, а слова застревают в горле, так что ты отчаянно пытаешься выкашлять их. Я набираю ванну для тебя, и мы идем наверх, взявшись за руки. Это редкие моменты мира между нами, почти невыносимые.

Если бы я на самом деле заботилась о тебе, я бы определила тебя в приют ради твоего же блага. Занавески в цветочек, регулярное питание каждый день, компания тебе подобных. Старика — существа своеобразные. Если бы я все еще действительно любила тебя, я бы оставила тебя где ты была, а не привозила сюда, где дни пролетают так быстро, что о них едва ли стоит говорить, и где мы бесконечно раскапываем и ворошим то, чему лучше оставаться похороненным.

Случается, что в нашем разговоре проскальзывают прежние словечки, перед которыми мы беззащитны. Как будто совершенно ничего не изменилось, как будто время — ерунда. Мы вернулись в прошлое, и мне снова тринадцать лет, а ты моя ужасная, сказочная, кошмарная мать. Мы с тобой живем на лодке, на реке, и у нас есть такие слова, каких нет ни у кого. У нас свой собственный язык. Ты говоришь мне, что можешь слышать, как уекивает вода; я говорю тебе, что поблизости нет никакой реки, но я тоже, бывает, слышу это. Ты говоришь, что хочешь, чтобы я оставила тебя

одну, что тебе нужно кое-что обхекать. Я говорю, что ты гарпилябия, и ты злишься или начинаешь хохотать до слез.

Однажды ночью я просыпаюсь от твоего крика — ты все кричишь и кричишь. Я несусь по коридору, распахиваю дверь, включаю свет. Ты сидишь на узкой кровати, подтянув пододеяльник к подбородку, с открытым ртом, и рыдаешь.

Что такое? Что не так?

Ты смотришь на меня. Бонак пришел, говоришь ты. И на секунду — потому что ночь, и я заспанная — я чувствую, как во мне поднимается одуряющая волна паники. Я стряхиваю ее. Открываю гардероб и показываю тебе, что внутри никого; помогаю тебе выбраться из постели, чтобы мы вместе опустились на четвереньки и проверили под кроватью, потом мы встаем у окна и впериваемся в черноту.

Там ничего нет. Тебе нужно поспать.

Он здесь, говоришь ты. Бонак здесь.

Большую часть времени ты сидишь как истукан в кресле, повернувшись в мою сторону. У тебя запущенная экзема на руках, какой никогда раньше не было, и ты остервенело грызешь руки. Я пытаюсь устроить тебя поудобнее, но — теперь я вспоминаю об этом — удобство тебя раздражает. Ты отказываешься от чая, когда я приношу его тебе, не ешь,

почти не пьешь. Ты отмахиваешься от меня, когда я приближаюсь с подушками. Оставь, не суетись, уймись. И я унимаюсь. Я сажусь за деревянный столик напротив твоего кресла и слушаю твои рассказы. Твоя агрессивная жизнестойкость заставляет меня сидеть и слушать тебя ночи напролет, почти без перерывов. Иногда ты говоришь, что тебе нужно в ванную, и встаешь с кресла, точно плакальщица с могилы, отряхивая невидимую пыль с брюк, одолженных у меня. Ты говоришь, я иду, и подходишь к лестнице с решительным видом, грозно сверкнув на меня глазами, давая понять, что я не могу продолжать без тебя, это не моя история, так что я должна набраться терпения и ждать, пока ты вернешься. На середине лестницы ты говоришь, что человек должен быть хозяином своих ошибок, жить с ними. Я открываю один из купленных блокнотов и записываю все, что могу вспомнить. Твои слова на бумаге, словно обезоруженные, обретают какую-то безмятежность.

Я размышляла о следах воспоминаний, остаются ли они неизменными или же мы меняем их, переписывая память. Прочны ли они, как дома и скалы, или же скоро увядают и заменяются, перекрываются. Все, что мы помним, мы пропускаем через себя, переиначивая, ничто не остается таким, каким

оно было в действительности. Это меня удручает, лишает покоя. Я никогда не узнаю, что же произошло на самом деле.

Когда ты себя чувствуешь уже достаточно хорошо, я вывожу тебя погулять по полям. Когда-то здесь паслись овцы, но теперь это просто трава, такая мелкая, что сквозь нее проглядывает мел, холмы горбатятся, вздымая ребра земли, мелкий ручей, изрыгаемый из грязи, змеится вниз по склону. Каждые пару дней я объявляю, что движение — залог здоровья, и мы маршируем на холм, потев и отдуваясь на вершине, а затем спускаемся к ручью. И только тогда ты перестаешь жаловаться. Ты присаживаешься у ручья и опускаешь руки в холодный поток, пока не касаешься каменистого дна. Люди, как-то раз сказала ты мне, выросшие у воды, отличаются от остальных.

Что ты хочешь этим сказать? — спрашиваю я. Но ты не отвечаешь или просто забываешь для начала что вообще говорила что-либо. Однако эта мысль не оставляет меня всю тихую ночь. О том, что нас определяет окружающий ландшафт, что наши жизни формируются холмами, и реками, и деревьями.

Ты в дурном настроении. Ты хандрить до темноты, а затем начинаешь бродить по дому, ища, что бы выпить покрепче воды. Где

это? — кричишь ты. Где это? Я не говорю тебе, что опустошила буфеты, когда впервые нашла тебя у реки и привезла сюда, и что тебе придется обойтись без выпивки. Ты плюхаешься в кресло и смотришь на меня исподлобья. Я делаю тебе тост, который ты скидываешь с тарелки на пол. В одном из ящичков я нахожу стопку карт, и ты смотришь на меня как на безумную.

Я не знаю, говорю я. Чего ты хочешь?

Ты встаешь с кресла и показываешь на карты. Я вижу, как дрожат твои руки, от переутомления или злобы. Не всегда, черт возьми, должна быть моя очередь, говоришь ты. Я тебе достаточно рассказала. Всякого такого. Всякого дерьма про себя. Ты ударяешь по подлокотнику, вывернув руку. Теперь твоя очередь.

Отлично. Что ты хочешь знать? Я сажусь в кресло. Оно жжет твоим жаром. Ты затаилась у стены, кутаясь в непромокаемую куртку, которую привыкла носить в доме.

Расскажи, как ты нашла меня, говоришь ты.

Я откидываю голову и скрещиваю руки так крепко, что слышу, как шумит кровь. Мне словно полегчало, что ты спросила об этом.

Это твоя история — отчасти ложь, отчасти домыслы — и это история о человеке, который не был моим отцом, и о Маркусе, который был для начала Марго — опять же, если верить слухам, пересудам, — и, наконец, это исто-

рия — что самое худшее — обо мне. Я предьявляю права на это начало. Вот как месяц назад я нашла тебя.

Охота

Прошло шестнадцать лет с тех пор, как я последний раз видела тебя, когда садилась в тот автобус. В начале лета выбоины на дорожке, ведущей к коттеджу, заполнены лягушачьей икрой, но была почти середина августа, и ничего такого там уже не водилось. Это место было лодкой в другой жизни. В тот месяц по стенам расползались влажные пятна; порывы шального ветра заставляли каминные выдуватели плевать птичьи гнезда, яичную скорлупу, совиные катышки. Пол в маленькой кухне был скошен, так что катышки катились к дальней стене. Ни одна дверь не закрывалась как следует. Мне было тридцать два года, и я жила там уже семь лет. В Австралии есть выражение «за черным пнем». В Америке же говорят «глухомань» или «захолустье». Эти слова означают: не хочу никого видеть. Я поняла, что эта привычка досталась мне от тебя. Я поняла, что ты всегда пыталась схорониться в такой глуши, чтобы даже я тебя не откопала. Яблоко от яблони падает недалеко. Я добиралась до Оксфорда, где работала, за полтора

часа автобусом. Никто, кроме почтальона, не знал, где я жила. Я оберегала свое уединение. Я отводила ему место в своей жизни, как другие отводят место религии или политике; ни то ни другое ничего для меня не значило.

Я зарабатывала на жизнь тем, что обновляла словарные статьи. Всю неделю я работала над словом «взломать». Карточки для заметок валялись по всему столу и даже на полу. Слово было хитрым, и простые определения тут не годились. Такие мне нравились больше всех. Они точно «ушной червь», песня, которую никак не вытряхнешь из головы. Часто я замечала, что вставляю их в предложения, в которых им совсем не место. *Расшифровать код. Взломать записку. Прервать.* Я продиралась через весь алфавит, и когда добиралась до конца, он был уже другим, хотя бы слегка. То же самое происходило с воспоминаниями о тебе. Когда я была моложе, я возвращалась к ним снова и снова, пытаясь выудить откуда какие-то детали, цвета или звуки. Только всякий раз, как я обращалась к какому-то воспоминанию, оно уже было слегка другим, и я понимала, что уже не могу понять, что произошло в действительности, а что я привнесла в него. После этого я перестала вспоминать, и наоборот, стала пытаться забыть. С этим я всегда лучше справлялась.